

ГРАФ
СОКОЛОВСКИЙ И
ДВЕ ЧАШКИ ЧАЯ

*Александр Васильевич
Свистула*

12+

Александр Свистула
**Граф Соколовский
и две чашки чая**

«Автор»

2017

Свистула А. В.

Граф Соколовский и две чашки чая / А. В. Свистула — «Автор»,
2017

ISBN 978-5-532-93226-5

Во время торжественных празднований Крещения Руси в столице пропадает молодая девушка. Нет ни свидетелей похищения, ни оставленной записки, ни единой улики, указывающей на похитителей. Обстоятельства дела столь загадочны, что даже родная мать не верит в её исчезновение. Граф Соколовский оказывается единственным, кто может помочь молодому возлюбленному найти супругу. Кроме подозрений своего клиента граф не имеет ни единой детали, способной пролить свет на тайну исчезновения юной девушки.

ISBN 978-5-532-93226-5

© Свистула А. В., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	8
Глава третья	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Александр Свистула

Граф Соколовский и две чашки чая

Глава первая

Жизнь в Петербурге возвращалась в привычное русло. Праздничные настроения сменились повседневными заботами и бесконечной рутинной, составляющей основу человеческого существования. Стихли торжества и связанная с ними радость в честь девятисотлетия крещения Руси. Прошла та суматоха, захватившая многие городские думы, выработавших порядок мероприятий всего за неделю, вновь заработали в привычном режиме фабрики, торговцы и различные учреждения, задававшиеся за два дня до праздника наиважнейшим вопросом – «работать или не работать?». Каждый наделял этот праздник тем смыслом, которым вздумалось, эгоистично считая своё мнение истинным, представлял себе дух праздника таким, каким хотел его представлять. Консерваторы увидели в прошедших торжествах окончательный поворот России спиной к реформам Александра Второго, церковники чаяли созыв Поместного собора, скорейшего избрания Патриарха, усиления своего влияния на общество, сторонники малороссийской идентичности подчёркивали своё родство с великороссами, отстаивали общерусскую идею, используя единство православия. Киевские власти использовали торжества для рекламы Киева как современного развитого города, равного Москве и Петербургу. Говорили, что на празднование в Киев съехалось двадцать тысяч паломников, кто-то говорил – тридцать. Пятнадцатого июля, в разгар торжеств, трагически погиб киевский губернатор. Свалившись с лошади, он ударился головой о землю и умер. Об этом происшествии все постарались скорее забыть, и в Киеве празднества прошли, не претерпев никаких изменений. Торжественный обед для гостей Киева отменён не был, и горожане, пребывая в неведении, продолжили пить, веселиться, гулять, преодолев минутное беспокойство по поводу отсутствия губернатора.

Слышался и слабый, гневный голос либералов, недовольных возрастающим влиянием Церкви. Кто-то воспринимал нынешние торжества лишь как подготовку к приближающемуся тысячелетию Крещения Руси. Организация юбилея, наделение его смыслом и значением, носили, скорее, стихийный характер. Впрочем, этим разноголосым оркестром весьма умело управлял, используя в своих целях, обер-прокурор Победоносцев. Под его руководством в столице был организован грандиозный крестный ход, растянувшийся на две версты.

Не успели стихнуть праздничные крики и выветриться пары алкоголя, как вокруг графской усадьбы, принадлежавшей младшему Соколовскому, образовалась толпа клиентов и посетителей. Дверь в кабинет владельца усадьбы отворилась, и в задымленную комнату вошёл Мелентий Евстафьевич. Мелентий Евстафьевич служил у графа Соколовского дворецким. Мужчина среднего роста, с серебристыми, аккуратно зачёсанными назад волосами, небольшими усиками, не выходящими за границы крыльев носа. Эти белые маленькие усики прикрывали верхнюю губу дворецкого, придавая ему почтительные черты. В маленьких, прищуренных глазах, от которых растянулась сеть морщин, горели огоньки обширных знаний и чувство искреннего юмора. Дворецкий посмотрел в сторону кресла с высокой спинкой, из-за которой выглядывала голова хозяина. Кресло стояло развёрнутым лицом к окну. И кроме хозяйской головы Мелентию Евстафьевичу ничего представлено не было.

– Александр Константинович, посетители ждут вас, – чётко произнёс слуга, протягивая поднос с горкой визиток и записок.

– Я же сказал, никого принимать сегодня не буду.

– Ваше сиятельство, посетителей слишком много. Благо разумно было бы принять их.

– Я обязательно их просмотрю. Оставь их на столике, – пошёл на уступки хозяин, продолжавший скрываться за спинкой кресла.

– Если я сейчас уйду, вы их записки уже не просмотрите, а сожжёте, – учтиво сказал дворецкий. – Вы час назад пообещали Марфе, что спуститесь вниз. Я решил потревожить вас.

– Да от тебя не отвяжешься, старый ты клещ, – недовольно произнёс граф и поднялся с кресла.

Заботливый взор Мелентия отметил, что сегодня начисто выбритое лицо хозяина выглядело бледновато. Хозяин левой рукой откинул густые тёмно-русые волосы назад и улыбнулся своему слуге. Слуга улыбнулся в ответ. Правую руку Александр Константинович держал согнутой чуть выше пояса.

– Что за гости у нас сегодня? – граф с ехидной улыбкой окинул поднос, усеянный визитками и записками. – Не могут поделить своих любовниц? Или просят найти пропавшую собачонку?

– Ваше сиятельство, имеются господа, которых необходимо принять сегодня же. Вот, письмо от князя Мещерского¹. Пришло ещё утром...

– Это, про которого Соловьёв² не так давно сказал: «Содомы князь и гражданин Гоморры»? Ха-ха-ха, – недобрые смешки вырвались из уст молодого хозяина. – Надо же, до чего прилипчивая фразочка. Засела в голове. Не собираюсь на него отвечать. Мог бы сразу сжечь.

– Вот, генерал Пустомошнин лично прибыл. Уже больше часа дожидается в гостиной. Товарищ министра Гусев. От губернатора Воронежской губернии прибыл господин Мордащенко...

– Где они берут такие фамилии? – выгнул бровь Александр Константинович.

Левой рукой он взял с подноса несколько карточек и быстро прочитал фамилии их обладателей. Презрительная улыбка не сходила с его гладкого лица на протяжении всего процесса чтения.

– Зубоскалин, Ватрушкин, Гнильщенко. Как можно жить с такой фамилией? Гниль-щенко! Как будто Гоголь придумывал.

– Вместе с Грибоедовым, – почтительно улыбнулся дворецкий.

– Да, точно. Зубоскалин. Хе-хе-хе.

– Фамилию, как и родителей, не выбирают, Александр Константинович. Так что же, звать генерала, или вы к князю поедете? Велеть Фёдору...

– Никуда я не поеду. Я же сказал, письмецо Мещерского нужно сжечь сейчас же. Это ещё что такое? Сюда кто-то высморкался?

Хозяин дома взял в руки небольшой кусок мятой бумаги, на которой от руки было написано несколько слов.

– Я не знаю, как это сюда попало, – виновато сказал дворецкий. – Позвольте, я выброшу.

– Нет-нет, погоди. Л. М. Наивенков пишет, что ему могу помочь только я. Разве можно отказать этому человеку? Если у князя Мещерского покровителей в избытке, то почему же этот молодой человек должен оставаться без поддержки?

– С чего вы взяли, что эта записка от молодого человека?

– О, в отличие от меня ты его видел лично. Если моя догадка верна, то он передал тебе визитку генерала?

¹ Мещерский Владимир Петрович (1839-1914) – влиятельный придворный во времена Александра Третьего, пользовавшийся особым расположением императора, благодаря чему имел определённое влияние на правительство.

² Владимир Сергеевич Соловьёв (1953-1900) – известный русский философ.

– Да, был там один подозрительный. Представился посланником какого-то купца. Иначе, я его и на порог не пустил бы. Верно, он положил на поднос генеральскую карточку. Чтобы тому встать не пришлось.

– Это очень сообразительный юноша. Соврал тебе, дабы ты его не прогнал, поплюнявил свою бумажку и прилепил к обратной стороне визитки генерала.

Граф зажал записку между ладоней, пытаясь хоть немного разгладить её. Внимательный слуга заметил, как дрогнули мускулы на лице молодого хозяина, когда он задействовал правую руку.

– Позвать Марфу, чтобы она сделала вам повязку?

– Не стоит. Я её на кресле оставил. Пригласи этого Наивенкова в большой кабинет. Остальным передай, что ждать бесполезно. Скажи, мне нездоровится.

Глава вторая

Когда в просторную, со вкусом обставленную комнату, вошёл красивый молодой человек, граф встал, и на несколько мгновений установилась полная тишина. Посетителю было около двадцати пяти лет, ростом чуть ниже хозяина дома. Он пытался выглядеть старше своих лет, облагородив свою внешность небольшой бородкой, но зачёсанные назад волосы вкупе с большим выпирающим лбом делали его немного смешным в глазах окружающих. В его взгляде сохранялся какой-то мальчишеский огонёк, выдавая свойственные гостю горячность и потаённую пугливость по отношению к окружающему миру. И рубашка, и пиджак, сшитый явно не по его меркам, были застёгнуты на все пуговицы. Дешёвые брюки и поношенные ботинки незамедлительно вызвали в душе графа чувство эстетического недовольства, переросшее в надменное отношение к посетителю.

Чувство надменности Соколовского было пропорционально ответной неприязни Наивенкова. Он с лёгким презрением, читавшимся в его взгляде, оглядел со вкусом обставленную комнату со множеством кресел, дубовым столом, шкафчиками и картинами. На стене, за письменным столом, висел портрет покойного Александра Второго, величественно-спокойным взглядом глядевшего куда-то в сторону. Наивенков посмотрел на повреждённую руку Соколовского, поддерживающуюся бинтами, завязанными за шейю. Граф проследил неодобрительный взгляд посетителя, скользнувший по украшенным кольцами худым пальцам.

– Рад вас видеть в своём доме. Позвольте представиться. Александр Константинович, граф Соколовский, – дворянин слегка наклонил голову перед гостем.

– Леонтий Михайлович.

– Прошу, присаживайтесь. Так что же это за дело, в котором могу помочь только я?

– Прежде чем я начну, вы можете обещать, что наш разговор останется сугубо конфиденциальным?

– Если вы хотите признаться в преступлении, предупреждаю – я не духовник, и Таинство исповеди не совершаю.

– Нет-нет. Ни в чём преступном я сознаться не хочу. Но то, что я вам расскажу, является информацией личного характера.

– За это можете не беспокоиться. Я не из тех сплетников, что готовы стереть себе язык, обсуждая чужую личную жизнь.

– Значит, я могу вам довериться. Видите ли, я и моя супруга живём гражданским браком, – начал Наивенков.

От глаз молодого человека не ускользнула лёгкая усмешка, появившаяся на лице графа, при слове «супруга». «Обычно все называют таких гражданских супругов любовницами, – подумал Соколовский, – суть не изменится от того, что люди подобрали другое, более благозвучное слово».

– Её зовут Софья Дмитриевна Красненская. Последний раз я видел Соню в прошлый понедельник. Она выглядела встревоженной, но я не придавал тогда этому значения.

– Где вы с ней виделись?

– В Александровском саду. После я проводил её домой, а сам уехал на нашу квартиру. Во вторник она должна была вернуться, но не пришла. Я помчался к её матери. Она сказала, что Соня ушла от неё во вторник, около одиннадцати.

– Значит, пропала она всё-таки во вторник, ровно неделю назад. Кто её родители?

– Её отец скончался от туберкулёза больше года назад. К сожалению, у нас катастрофически не хватало денег на его лечение. Мать, Ольга Ивановна, служит гувернанткой у одного чиновника.

– Вы с ней живёте вместе или нет?

– Да, вместе. Она иногда ночует у матери, и я не запрещаю этого – каждый человек имеет право на личную свободу. Я искал её своими силами, но безрезультатно. Я оббегал всех наших друзей, но никто её не видел. Я подозреваю, что её удерживает у себя силой ростовщик Стаевский. Он подлый процентщик и развратник. Я уверен – он похитил её и удерживает где-нибудь насильно, – Наивенков не выдержал и ударил кулаком по подлокотнику. – Скотина!

– А как познакомилась мадам Красненская со столь неприятной личностью?

– Я их, получается, и познакомил. Больше месяца назад. Нам нужны были деньги, и я уговорил её заложить кольцо. Хорошее кольцо, Стаевский за него шесть рублей тогда дал. Он постоянно поглядывал на мою жену, всё подмигивал. Он смотрел на неё так плотоядно, что мне стало противно.

– Почти всякий мужчина смотрит на красивую девушку плотоядно, как вы выразились, – ухмыльнулся Соколовский. – Это наши животные инстинкты, от которых никуда не деться.

– Разум должен стоять превыше животных желаний...

– О-о, это – несомненно. Или хотя бы помогать исполнять эти желания так, чтобы это не вызывало в обществе недовольства.

Граф подметил, что его собеседник посмотрел в этот момент на его повреждённую руку.

– Итак, вы считаете, что всё рассказали? Не желаете объяснить, почему вы пошли ко мне, а не в полицию? Нет? Тогда я сам скажу, почему. Дешёвые изношенные брюки, чужой пиджак, презрительный взгляд на портрет Императора, ваш «гражданский» образ жизни, невозможность обратиться в полицию, постоянная нехватка денег говорят о том, что вы – революционер. Я уверен, что и вы, и ваша «супруга» состоите в запрещённой организации. Мне стоит задержать вас и вызвать жандармов.

– Вы этого не сделаете. Я пришёл к вам не только потому, что боюсь полиции, но и по рекомендации нашего общего знакомого – Ламсона. Он уверял меня, что вы отличаетесь от остальных дворян и буржуев.

Граф невольно дёрнулся.

– Ламсон? Ах да, помню. Интересный господин. Очень умный. И очень благородный. Но если вы помните, благодаря мне его и отправили в ссылку.

– Да, его сослали на пять лет, в Сибирь, – молодой социалист поджал губы и на секунду примолк. – Он недавно вернулся в столицу, пересмотрел свои взгляды (не все наши товарищи согласны, что в лучшую сторону). Впрочем, я не знал прежнего Ламсона, но то, что он говорит сегодня, я считаю разумными идеями. Он уважает вас и считает, что отошёл от террористической тактики благодаря встрече с графом Соколовским.

– Какие кульбиты совершает порой судьба. И вы решили, узнав, что у нас есть общий знакомый – социалист, которого отправили в ссылку благодаря моему таланту, что я не стану вас выдавать полиции? Что за вздор!

– Наша организация называется «Время труда», мы не совершаем терактов и никого не грабим. Наша главная задача – самосовершенствование общества, его обучение. Вам не за что нас судить. Мы стремимся поднять интеллектуальный уровень пролетариата выше уровня вашего класса. Или, хотя бы, достичь его. И тогда правящий класс лишится своего преимущества и уступит место новому, прогрессивному, классу. Диктатура царизма сменится диктатурой пролетариата. Но это произойдёт не вследствие насильственных мероприятий, а благодаря интеллектуальному прогрессу общества! Победе знания над невежеством.

– Думаю, у очень многих будет иное мнение, – цокнул языком граф, в душе насмехаясь над утопическими представлениями молодого человека.

– Александр Константинович, Ламсон сказал мне, что вы человек совести и большого ума. Но он ошибся, я вижу ваше нежелание помочь мне и считаю, что мне пора уходить. Я не потерплю насмешек.

Наивенков встал, но тут же был остановлен властным мановением руки графа.

– Ламсон бесспорно прав. Хорошо. Я вас не выдам. Если не узнаю, что вы совершили что-либо неприемлемое для моей совести. Сядьте, и честно отвечайте на мои вопросы.

За время их короткого разговора графу удалось выяснить, что в организации «Время труда» пропавшая девушка не состояла. Она помогала сожителю по хозяйству, выполняла всю женскую работу, включая готовку и уборку. Социалист подробно описал, как она выглядит. Жили молодые и мечтательные люди, по большей части, на зарплату Наивенкова – инженера-технолога на Невском паровозостроительном заводе. Львиная доля его заработка уходила на «благо революции». Когда «соратникам по борьбе» срочно понадобился гектограф³ для тиражирования листовок и брошюр, Наивенков, не раздумывая, отдал все свои сбережения, из-за чего им и пришлось в прошлом месяце заложить золотое кольцо девушки. Соколовский выяснил адреса семьи девушки и ростовщика, а вот адреса членов организации остались для графа загадкой. Боязнь выдать своих товарищей оказалась сильнее любви.

Александр Константинович простился с молодым человеком и пообещал сегодня же взяться за дело. Открыв двери, Леонтий Михайлович едва не столкнулся с экономкой графа – женщиной энергичной и словоохотливой. Марфа виновато поклонилась уходящему гостю и проникла в кабинет.

– Это кто же был, Александр Константинович? Какой-то оборванец, судя по виду, – рассуждала она, усаживаясь в кресло, где недавно сидел Наивенков.

– А ты за дверью не расслышала, как его зовут? – поинтересовался граф, остановившись у напольного зеркала.

– Да куда там, – махнула рукой Марфа и созналась в своей неудаче. – Меня твой Мелентий загонял. Ладно, он. Я уже привыкла к его придиркам, так ещё и эта повариха! Возомнила себя главной на кухне и ничего не хочет слушать. А этот старик целиком на её стороне. Я уж бедная не знаю, что и делать. Замучают меня...

Марфа говорила и говорила. Граф, не обращая внимания на её болтовню, поворачивался к зеркалу то одним боком, то другим. Наконец он остановился и почти вплотную к зеркальной поверхности приблизил своё лицо.

– ...когда ты уже отправишь её обратно в поместье? Пусть твоему батюшке пироги печёт. Ты слушаешь?

– Как ты думаешь, Марфа, мне пойдёт борода?

Служанка поняла, что её никто не слушал, и обидно поджала губы.

– Будет выглядеть солидно. Правда, не хотел бы я выглядеть угрюмо, словно медведь, – граф улыбнулся своему отражению.

– Марфа, вот ты где! – в кабинет вошёл дворецкий.

Он почтительно посмотрел в сторону хозяина, а затем его взгляд переместился на экономку, мгновенно став суровым и цепким. В поисках союзника Марфа глянула на графа, но тот на сей раз не спешил ей на помощь.

– Почему шторы в детской до сих пор испачканы? Где горничная? Почему ты прохлаждаешься здесь, когда пора подавать обед? Вставай немедленно, и иди за мной. Почему ты не следишь за служанками? Это непозволительно.

– Мелентий.

– Да, Ваше сиятельство, – тон слуги тут же переменялся. Он с учтивой улыбкой повернулся к хозяину.

Марфа довольно ухмыльнулась.

– Меня за обедом сегодня не будет. Появилось срочное дело. Подготовь мне коляску. И скажи всем, кто ещё ожидает в приёмной, что я уехал и никого сегодня не приму.

³ Гектограф (от греч. hekaton – сто и grapho – пишу) – копировальный аппарат, печатающий оттиски с рукописного текста.

– Я сейчас же всё исполню, Ваше сиятельство. Марфа! Ты слышала или нет? Немедленно распорядись на кухне. Да займитесь детской, там необходима уборка.

Прибегнувшему к самому грозному тону, на который он только был способен, Мелентию удалось заставить служанку заняться своей работой. Отправив её на кухню, он поспешил во двор. Ему предстояла новая непростая задача – заставить работать конюха Фёдора. Мелентий Евстафьевич был бесценным дворецким, и одним из его лучших качеств было отсутствие привычки бурчать себе под нос. Но если бы он и бурчал себе под нос, то ничего, кроме беззлого, снисходительного недовольства ленивыми слугами, мы с вами, дорогой читатель, не услышали бы.

Глава третья

Вскоре после разговора с молодым социалистом граф отправился на Пески⁴ по полученному адресу. Здесь, в маленьком деревянном домике, проживала семья Красненских. Дом был полон детей самых разных возрастов. Старшему, на вид, было не более двенадцати. Хозяйка дома, выглядевшая совершенно уставшей, встретила графа и провела его в маленькую гостиную. Из-за приоткрытой двери за ними наблюдали несколько пар блестящих глазок.

– Чем я обязана такой честью, Александр Константинович? – поправляя платье, спросила хозяйка дома.

– Любезная Ольга Ивановна, сегодня я встретился с одним молодым человеком, и он сообщил мне об исчезновении девушки – вашей дочери.

– Исчезновение? Это вам Леонтий сказал? С чего это он взял? Она приходила сидеть с младшими позавчера. В воскресенье я ночевала в доме генерала Рогова, где служу гувернанткой.

– Да что вы говорите? – удивился граф. – Какая странность. А вчера утром, где она была?

– Я не знаю. Думала, она отправилась к нему. Когда я пришла, её уже не было.

– Ольга Ивановна, господин Наивенков сказал, что последний раз видел вашу дочь неделю назад. Как же это можно объяснить?

– Я не знаю, Ваше сиятельство, ей-Богу, – потирая запястье, сообщила Ольга Ивановна. – Думаю, она ушла от него.

– И вы об этом ничего не знаете? Простите, Ольга Ивановна, мой вопрос может показаться вам грубым, прошу извинить, но – вы одобряете образ жизни своей дочери?

Женщина убрала руку с запястья и медленно оглядела гостиную, обитую бумагой светло-зелёного цвета.

– После смерти мужа мне стало сложно с ними справляться, – вдова кивнула в сторону двери, из-за которой выглядывали младшие дети. – А Соня стала совсем взрослой. И уже давно не слушает моих советов. Я знаю, она не пропадёт и сможет принять правильное решение. Думаю, она наконец-то решила оставить этого Наивенкова.

– Вы не испытываете к нему симпатий? – спросил Александр Константинович, отметив про себя долгожданное «наконец-то».

– Какой матери понравится зять, который спускает все свои деньги непонятно куда? Ей ведь вещи приходилось продавать, лишь бы прокормиться. Я не могу ей помогать. Без покровительства Беленко мы бы уже пропали.

– А кто такой этот добрый господин Беленко?

– Это друг семьи, крестник моего покойного мужа.

Александр Константинович пытался выяснить, где бы могла находиться Софья Дмитриевна, но ответы хозяйки дома оставались неопределёнными и до странного невозмутимы. Столь спокойное отношение матери к исчезновению дочери вызвало у графа подозрение. В какой-то момент он поверил словам Красненской, что дочь попросту сбежала от Наивенкова, но в то же время граф распознал жесты, свидетельствующие о лжи. Во время разговора об исчезновении дочери она то поджимала губы, то потирала запястье, что выдавало её волнение и, возможно, ложь.

⁴ Пески – Район Рождественских улиц на юге Петербурга, где в основном жили бедняки и люди среднего достатка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.